

[ТЕМА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ]*

А.А.ВИЛЬДАНОВА

Для обсуждения темы преследования в психотерапевтической практике я выбрала случай клиента, для которого тема преследования является одной из самых важных и доминирующих в его сознании на протяжении последних 13 лет жизни. Эта тема стала той центральной осью, вокруг которой группируются его симптомы.

При первой же встрече выявилась его главная проблема. Она заключалась в том, что клиент боялся людей, боялся, что люди осуждают его и смеются над ним. Причиной такого отношения людей к нему он считал свою остановку в развитии на уровне подростка, ребенка (ему было немногим более 30), которую все окружающие должны видеть, и втайне издеваться над ним. Временами эти мысли приобретали невыносимый навязчивый характер, и тогда клиент не мог выходить из дома в светлое время суток, ходить в магазин, с большим трудом и мучениями ездил в общественном транспорте. Его охватывали приступы самобичевания, суицидальные мысли. Он несколько раз лежал в больнице по поводу депрессии, наблюдается сейчас у психиатра и принимает антидепрессанты.

Симптомы клиента накладывают серьезные ограничения на образ его жизни. Из-за своих страхов он не смог учиться в вузе. Его так пугала мысль об осуждении со стороны однокурсников, что он вынужден был отчислиться (попав при этом в психиатрическую больницу). Его нынешняя работа позволяет ему свести до минимума общение с другими сотрудниками. У него практически нет друзей. Сексуальных отношений с женщинами нет и никогда не было. Он неоднократно предпринимал попытки познакомиться с женщинами через службу знакомств и по объявлениям, но, познакомившись, всякий раз находил поводы прекратить общение с ними (чаще всего под тем предлогом, что он недостойн этой женщины, и она все равно его отвергнет, или же его отвергнут ее родственники и т.д.).

---

* Посмертная публикация, подготовленная к печати Т.Л.Алавидзе.

На первой же сессии он сказал, что связывает свои страхи с избиением, которому он подвергся в подростковом возрасте. Это было у реки, где он собирался с другом ловить рыбу. Но поскольку мой пациент задержался (он ждал маму с работы, а она все не приходила), друг, с которым он договорился встретиться, ушел, и он оказался у реки один. Когда он шел к реке, ему повстречался человек, который предупредил его, что там расположилась компания подвыпивших подростков. Но клиент не придавал этому значения и попал в руки этой компании. Подростки стали приставать к нему, а потом начали избивать. Через некоторое время хулиганы заметили приближавшегося к ним на крики мужчину, перестали бить клиента и приказали держать язык за зубами. Мужчина хотел увести клиента с собой, но тот отказался, сказав, что они просто играют. Когда мужчина ушел, подростки велели ему идти за ними, привели в укромное место вдали от дороги и продолжали избивать его уже там. В довершение всего они заставили его есть траву и землю, и мой клиент подчинился им. При рассказе об избиении клиент отметил, что именно последний факт (поедание травы и земли) стал в дальнейшем причиной его депрессии – ему стало казаться, что все вокруг знают о случившемся или в любой момент могут узнать об этом и вправе презирать его за трусость и малодушие. Он думал, что никакая кара – вплоть до смерти – не была бы чрезмерным наказанием за его падение.

Примечательно, что эта история, рассказанная им при первой же встрече, в дальнейшем была дополнена существенными деталями. Так, выяснилось, например, что депрессия в связи с тем, что все вокруг знают о подробностях избиения, наступила на самом деле не сразу после избиения, а лишь через полтора года после него. Еще одним открытием в этой истории было то, что клиент рассказал мне через 3 месяца нашей работы, – а именно, что во время избиения его заставляли есть не только траву и землю, но еще и червей, которых он накопил для рыбалки. Как выяснилось, именно разоблачения по поводу съеденных им червей он больше всего боялся. Рассказ об этом сопровождался бурным и продолжительным аффектом, по его словам, он рассказал об этом впервые. Прояснились и еще некоторые детали этой истории – например, то, что во время избиения один из подростков помочился на него сверху.

Понятно, что, несмотря на большую эмоциональную значимость этой истории для моего клиента, сама по себе она мало что объясняет в его симптомах и в механизме их возникновения. Например, совершенно непонятно, почему страхи появились только через полтора года, почему они оказались так устойчивы, почему приняли такой тотальный характер. Отсутствие адекватных ответов на эти вопросы позволяет подвергнуть сомнению реактивный характер развившихся впоследствии страхов и предположить, что история избиения имеет все признаки покрывающего воспоминания, за которым скрываются проблемы гораздо более раннего возраста. Вполне вероятно, что ситуация избиения является в данном случае (как, возможно, и в массе других) не причиной, а только поводом

для опредмечивания уже существовавших ранее страхов. Можно предположить, что реальное содержание этих страхов в силу ряда причин не допускалось до осознания, и потребовалось какое-то внешнее событие (в данном случае – избиение), за которое страхи могли зацепиться, и в таком замаскированном виде заполнить всю сознательную жизнь человека. Несомненно также, что избиение и мысли о нем, бессознательно выбираемые для прикрепления страхов, являются не только отвлекающим фактором, оттягивающим на себя всю аффективную жизнь клиента, но и важным намеком, подсказкой того, в какой области можно искать причину реальных страхов клиента.

Относительно хода терапии я бы хотела упомянуть несколько линий, которые были в фокусе внимания нашей работы и непосредственно касаются обсуждаемой темы.

1) Первая линия – взаимоотношений клиента с матерью – холодной, отвергающей женщиной, чьей любви он не мог добиться никакими средствами. Он вспоминает, например, как однажды захотел приласкаться к ней, а она оттолкнула его, назвав эти попытки телячьими нежностями. Летом мать часто отправляла его в лагерь (куда он не хотел ехать) и при этом говорила, что наконец-то отдохнет, – ей не придется готовить и стирать для него. Однажды, когда она его за что-то ругала, он в запале сказал, что уйдет из дома и умрет. В ответ на это мама вывела его на крыльцо и оставила там со словами: «уходи, умирай». Ему пришлось постоять немного и вернуться.

В более позднем возрасте обида на мать за отвержение сменилась желанием мести и попытками дискредитации. В подростковом возрасте у клиента были фантазии о том, что с матерью может случиться несчастье – например, рука попадет в станок или она тяжело заболит. Тогда он сможет ухаживать за ней, жалеть ее, и мать станет мягче, теплее к нему, страдание очеловечит ее. Однако мать оставалась непробиваемой (по его словам). В дальнейшем доминирующим чувством к матери стало презрение. Клиент видел в ней очень глупое, забитое существо, ведущее убогую жизнь, отказавшееся от удовольствий, подавляющее свою сексуальность ради глупых принципов.

2) Вторая линия в нашей работе касается двойственной роли отца в семье. В воспоминаниях клиента он представлял то грозным преследователем, то отвергаемым и презираемым существом, причем эти роли менялись в зависимости от того, пьян отец или трезв. Пьяный отец был фигурой, внушающей страх. Клиент помнит, как он терроризировал мать, ругал ее, требовал денег. Клиент часто прятался под кровать, скрывался от отца. Есть воспоминания о том, как отец заставлял его в детстве курить, заставлял собирать специально разбросанные спички. Однажды отец пришел навеселе и швырнул пачку денег: «Берите, собирайте», – и дети ползали, собирая деньги. Одно из самых страшных воспоминаний клиента – о том, как отец в разгар пьяной вечеринки закатал его в ковер, это воспоминание окрашено чувствами ужаса и

унижения.

В детских воспоминаниях существует и другая ипостась отца, которая создавалась в основном благодаря высказываниям матери об отце. Мать всячески демонстрировала свое осуждение и презрение к отцу. Уже в возрасте 6 лет клиент оказался свидетелем того, как мать отказывала отцу в сексуальной близости. У клиента существует идея, что после того, как мать отправила отца в ЛТП лечиться от алкоголизма (на 2 года), тот стал импотентом (такой вывод он сделал из подслушанных разговоров родителей).

Получается, что образ отца оказался расщепленным: с одной стороны, угрожающий и давящий, а с другой – жалкий и ничтожный. Однако и в том, и в другом случае он вызывал осуждение. Но, тем не менее, отец был не так отчужден, как мать, он был более доступен и понятен клиенту.

3) Очевидно, что такой расклад семейных ролей не мог не вызвать нарушений в половой идентичности клиента, что и стало третьей линией нашей работы. Желание добиться расположения матери заставляло его глядеть на отца ее глазами и всячески осуждать его. Идентификации с такой отверженной и осуждаемой фигурой, как отец, не произошло.

Кроме того, из наблюдений клиента за тем, как мать относилась к нему и к его сестрам (старше его на 5 и 10 лет), он сделал заключение, что мать больше любит сестер за то, что они – девочки (она ездила с ними на экскурсии, им чаще покупали подарки, на их дни рождения приглашали гостей и т.д.). Была выстроена концепция об элитном женском мире, в который нет доступа грязным мужчинам (ему и его отцу). Более того, появилась идея, что мать хотела, чтобы вместо мальчика родилась девочка – это укрепило бы женский лагерь и позволило бы более успешно вести борьбу с отцом. Клиент считал, что его рождение было проигрышем матери в борьбе с отцом, и что мать не могла ему простить этого – так же, как и его сходства с отцом.

Желание заслужить любовь матери заставляло его подчиняться материнским требованиям, направленным на элиминацию маскулинных проявлений характера и культивирование послушания, кротости, аккуратности.

В целом можно сказать, что детская ситуация клиента устроилась так, что он должен был стыдиться своей принадлежности к миру мужчин и стремиться стать девочкой.

В дальнейшем, в подростковом возрасте, эта тенденция проявилась в ярко выраженном стыде за свою мастурбаторную активность, стыде за рост гениталий. У клиента была фантазия, когда он рассматривал себя в зеркало, как он отсекает свои гениталии, – тогда бы брюки сидели на нем, как в детстве, и никто бы не догадался, что он онанирует. Примечательно, что эти мысли появились у него только года через 3 после начала мастурбирования и совпали по времени своего появления со страхами разоблачения по поводу поедания червей.

4) Следующая линия нашей работы, тесно связанная с предыдущей, касается гомосексуальных тенденций клиента. В его детской истории есть эпизоды, имеющие явную гомосексуальную окраску. В частности, в возрасте 7 лет он с друзьями играл в больницу, в этой игре они делали «операции» на гениталиях друг друга, производили фелляции. Он помнит, как однажды его друг остался должен ему одну фелляцию, что было унижительно для клиента, поскольку ему пришлось дольше пробыть в пассивной женской роли, нежели его другу.

Занятия онанизмом в подростковом возрасте также имели гомосексуальную подоплеку – он мастурбировал вместе со своим другом, и при этом они устраивали гомосексуальные игры, не доводя это, однако, до непосредственного сношения.

Повторю вкратце, что мы имеем в детской истории клиента: холодная, недоступная мать, которая любит только девочек, осуждаемый отец, который был то страшным, то жалким, нарушения половой идентичности и гомосексуальные тенденции.

Этого уже достаточно для выдвижения некоторых гипотез, хотя они еще не увязываются с событием, занимающим центральное место в сознании клиента – избиением и поеданием червей.

Прежде, чем перейти к такому увязыванию, я бы хотела остановиться на некоторых особенностях переноса.

На протяжении нашей работы по крайней мере 3 раза повторялась одна и та же схема в динамике переноса. Сначала появляется позитивный эротизированный перенос, отсутствие реакции на который воспринимается как отвержение, возникает обида, появляется желание мстить и тенденция к обесцениванию терапевта. Затем эта фаза сменяется чувством страха, вины, раскаяния и временным усилением симптоматики (обострением страхов и депрессивных чувств).

Ярко-позитивная фаза переноса (сопровождающаяся ослаблением симптомов) обычно длится недолго – 2-3 сеанса, и возникает фаза обиды, которая наступает либо в связи с отсутствием благодарности за чувства клиента, либо в связи с перерывом в работе, либо в связи со слишком отстраненной, с точки зрения клиента, интерпретацией.

Агрессивные чувства могут проявляться в очень разных формах. Например, клиент начинает опаздывать, поднимает вопрос о возможности своего отъезда в другой город, к отцу, начинает ходить к другим психологам (не прекращая встреч со мной), появляются агрессивные мотивы в его снах. Одновременно или несколько позже появляется тенденция дискредитировать терапевта через приписывание интеллектуальной и профессиональной несостоятельности, асексуальности, фригидности, лесбийских наклонностей и т.д. Однако эти чувства глубоко запряты, и приходится догадываться о них по косвенным намекам и проделывать большую работу прежде, чем они окажутся произнесенными. На поверхностном же уровне даже во время агрессивной фазы – тишь да гладь, старательно-ученическое поведение,

желание угодить, почтительность, рационализация всех агрессивных импульсов.

Прежде, чем перейти к следующей фазе – фазе страха, – я хотела бы отметить, что описанные выше фазы (любви, обиды за отвержение и агрессии) имеют своим источником отношения с матерью. Об этом свидетельствуют и цепочки ассоциаций, ведущих при обсуждении наших отношений к фигуре матери, и почти дословные совпадения того, что клиент говорит с ней и обо мне.

Картина резко меняется при переходе на следующую фазу переноса – фазу страха. Здесь я уже становлюсь явно мужской фигурой – преследующей и угрожающей. В одном из снов этой фазы он видит огромную телебашню, излучающую опасные лучи – радиоволны, несущие смерть. В ассоциациях это связывается с тем, что я вижу его насквозь, разоблачаю его. Интересно, что в другом его сне издевавшиеся над ним в детстве подростки хотели убить его с помощью какого-то луча, после чего он видел себя во сне идущим по мосту и превращающимся в девушку. Ассоциации на этот сон привели его к страху потерять сознание в бане, в которую он ходил вместе с отцом.

То, что я превращаюсь для него на этой фазе в отцовскую фигуру, наглядно демонстрирует такой отрывок сновидения: «Я опаздываю, хочу успеть на электричке к врачу, врач – мужчина с бородкой, похожий на Фрейда. Вроде бы я еду к маме, но никак не могу добраться, не попадаю». По-видимому, этот сон можно понимать так, что коль скоро он не может достучаться до матери (в том числе и до меня в материнской роли), он начинает видеть во мне мужчину, отца, преследователя. И это сопровождается усилением страхов, депрессивными переживаниями, мыслями о суициде, самоубийством и т.д. – т.е. повторяется в миниатюре то, что произошло с ним через полтора года после избиения и оказалось увязано с этим событием.

Анализ переноса с целью показать клиенту связь его депрессии с тем, в чьей роли (материнской или отцовской) выступает для него терапевт, позволил несколько продвинуться в понимании его симптомов. Появилась новая информация, в том числе и из детской истории. Так, например, обросло деталями воспоминание о том, как отец закатывал клиента в ковер. Он вспомнил, что во время вечеринки он находился один в соседней темной комнате, ему было грустно, и он снял трусы, чтобы как-то утешить себя, но потом не смог их найти и вышел в соседнюю шумную комнату, где пировали гости, за помощью. Тут-то отец и стал его закатывать в ковер. Клиента охватил ужас – он ничего не может поделать, руки прижаты к телу, только голова беспомощно болтается, ее можно легко отпилить ножовкой. В ассоциациях клиента на эту ситуацию всплывает фильм, в котором так же беспомощно моталась голова у жертвы гомосексуального изнасилования. В конечном итоге клиент приходит к тому, что пережитое в ситуации с ковром было самым настоящим публичным гомосексуальным изнасилованием, что он принял

роль матери, которая отдается отцу, его грубой силе. Но с этой ситуацией связан не только страх, но и презрение к самому себе – за то, что подчинился отцу, не разозлился на него – как и в ситуации избиения. Клиент готов допустить, что в обеих ситуациях было и что-то приятное для него (показательно, что он не захотел уйти с мужчиной, пришедшим ему на помощь). Ситуацию избиения клиент тоже начал переосмысливать в терминах изнасилования. Он говорит, что превратил свой рот в женские гениталии, черви во рту напоминают сперму, ему вспоминается сон, где черви оказываются пенисами. Он вспоминает, как боялся, что по разбухшим венам на пенисе (которые на ощупь напоминают червей) отец сможет догадаться о его мастурбации.

Все эти воспоминания в сопоставлении с материалом переноса позволяют выдвинуть гипотезу о генезе его симптомов. Выстраивается следующая цепочка. Мать отвергает его, выталкивает из элитного женского мира, и в нем борются желание все-таки добиться ее любви (для чего нужно превратиться в женщину, отказаться от своей мужской идентичности) и желание отомстить матери за отвержение (а для этого нужно самому отвергнуть ее, найти ей замену). Компромиссом, примиряющим оба желания, становится пассивная гомосексуальная установка по отношению к отцу. Благодаря такой установке клиент реализует и акт мести матери (тем самым демонстрируя свою независимость от нее), и в то же время действует в угоду ее требованиям (символически идентифицируясь с матерью и таким образом пытаясь завоевать ее расположение). В этом и заключается первичная выгода гомосексуальной установки. Такое бессознательно принятое решение в дальнейшем причинило клиенту массу неприятностей и страданий. Стало понятно, что и этим способом он не может завоевать мать, она стала презирать его за слабость, за страхи, за плохое настроение, за отсутствие мужских черт. Кроме того, отказ от мужской идентичности не мог пройти бесследно, вызвав идеи собственной неполноценности, ничтожности и, в конечном счете, ощущение потери себя, что и выразилось в страхе всеобщего тотального презрения и осуждения.

Возвращаясь теперь к ситуации избиения и поедания червей, можно предположить, что клиент на самом деле боялся не только и не столько разоблачения этого события, а в гораздо большей мере – разоблачения своей ничтожности, что было в его бессознательном тесно увязано с идеями гомосексуального подчинения и отказа от своей мужской сущности. В силу изложенных выше особенностей детской истории события избиения могли быть осмыслены клиентом только таким образом. Стоит отметить, что рассказ об избиении не случайно начинается с упоминания о матери, которая слишком поздно пришла с работы, из-за чего клиент и наткнулся на компанию подростков. Здесь есть явный намек на ответственность матери за то, что случилось с ним потом. Это – дополнительный аргумент в пользу изложенной выше гипотезы о генезе страхов.

Остается один не проясненный до конца вопрос – почему страхи появились не сразу после избиения (которое было аналогом и реализацией принятого в детстве решения), а только через полтора года. Можно выдвинуть следующее соображение. Появление страхов практически совпадает со временем устройства клиента на работу, где он попал в подчинение к властному и грубому человеку, взявшему на себя часть функций отцовской фигуры (к тому же он был другом отца). Возможно, повторяющиеся изо дня в день давление и унижение в социальной ситуации и оказались для клиента факторами, запустившими развертывание его страхов.

В заключение мне хочется еще раз подчеркнуть, что истинная роль события, потрясшего клиента и находившегося в фокусе его сознания, не могла бы быть понята без отыскания аналогов этого события в детской истории. Если бы клиент вырос в другой семейной ситуации с другой структурой внутрисемейных отношений, я думаю, его реакция на избиение и поедание червей была бы совсем другой, не связанной напрямую с потерей идентичности. И, хотя сама по себе ситуация избиения явно отражала гомосексуальную символику, она – эта символика – могла укрепиться и пустить корни только на предварительно подготовленной почве, способной преобразовать символику в симптом.